

XVIII 13
35

Государственная
БИБЛИОТЕКА
С С С Р
им. В. И. Ленина

П 3270-64

№ 25.

1 Ю Л Я.

1908 Г.

Подписка чѣмъ: съ приложеніемъ журнала
«Православный Соборникъ» епархіальнымъ
подписчикамъ — 8 р. Безъ приложенія 5 руб.

ВѢСТІА

ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяцъ.

Редакція: Казань. Духовная академія.

Содержаніе.

Официальный отдѣлъ. Прибытіе въ Казань Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Никанора, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго. 735. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. 736. Свободныя мѣста. 736. Выдача сборныхъ книгъ. 736. Разрядныя (переводныя) списки учениковъ Казанскаго и Чебоксарскаго духовныхъ училищъ. 737.

Неофициальный отдѣлъ. Поученіе въ 5-ю недѣлю по Пятидесятницѣ. Свящ. *А. Воронцова*. 747. Основные мотивы творчества М. Горькаго. Свящ. *Павла Руфимскаго*. 753. Учрежденіе стипендій въ женскихъ второклассныхъ школахъ для дѣтей духовенства. Свящ. *Порфирія Руфимскаго*. 767. Объявленіе. 773.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Никаноръ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, прибылъ въ Казань въ понедѣльникъ, 23-го іюня.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Заштатный священникъ Николай *Скворцовъ* опредѣленъ въ с. Ст. Челны, Чистопольскаго уѣзда, 10 іюня.

Священникъ Звенигскаго Затона, Чебоксарскаго уѣзда, Николай *Добросмысловъ* перемѣщенъ къ Воскресенской, г. Чебоксарь, церкви, 10 іюня.

Свободныя мѣста.

Священническія. При Тетюшскомъ соборѣ, въ селахъ: Богатыревѣ, Балдаевѣ, Маломъ Чурашевѣ, Ядринскаго уѣзда; Елышевѣ, Мамадышскаго у.; Цибикнурѣ, Царевокошпайскаго у.; Вичуринѣ, Байгуловѣ, Таганашевѣ, Звениговскомъ Затонѣ, Чебоксарскаго у.; Бушантѣ, Кирмеляхъ, Свяжскаго у.; Хыймала-Касахъ, Емелевѣ, Козмодемьянскаго у.; Пичкасахъ, Полянгахъ, Спасскаго у.; Новоишеевѣ, Цивильскаго уѣзда.

Діаконскія. При Евангелистовской единовѣрческой, гор. Казани, церкви; въ селахъ: Кожважахъ, Козмодемьянскаго у.; Пичкасахъ, Спасскаго уѣзда.

Псаломщическія. При Кошлоушскомъ Александринскомъ монастырѣ.

Выданы сборныя книги:

Крестьянамъ села Морквашь, Свяжскаго уѣзда, Каллистрату Николаеву Платонову и Захарію Иванову Лифанову для сбора пожертвованій на построение новаго каменнаго храма въ селѣ Морквашахъ.

Крестьянамъ деревни Сибикейкиной, Ядринскаго уѣзда, Ивану Алексѣеву Дубову, Максиму Егорову и Петру Васильеву для сбора пожертвованій на построение храма въ деревнѣ Сибикейкиной.

Крестьянамъ деревни Кутушь, Мамадышскаго уѣзда, Трофиму Горшунову и Адриану Егорову Янасину для сбора пожертвованій на построение церкви въ деревнѣ Кутушахъ.

РАЗРЯДНЫЕ СПИСКИ

(ПЕРЕВОДНЫЕ)

учениковъ Казанскаго мужскаго духовнаго училища за 1907—
1908 учебный годъ.

IV КЛАССЪ.

I. Удостоены перевода въ семинаріи: а) въ первомъ разрядѣ:

1) Златоустовъ Владиміръ, Аванасьевъ Михаилъ, Нечавъ Василій, Воздвиженскій Платонъ, 5) Тимохинъ Сергѣй, Филимоновъ Александръ, Яблоковъ Андрей, Козловъ Петръ, Теплово Леонтъ, 10) Грачевъ Петръ, Азановскій Аркадій, Троицкій Борисъ, Шульминъ Михаилъ, Старостинъ Петръ, 15) Воздвиженскій Сергѣй, Источниковъ Вячеславъ, Охотинъ Михаилъ 18) Цвѣтковъ Николай.

б) во второмъ разрядѣ:

19) Соловьевъ Руфимъ, 20) Скворцовъ Александръ, Петропавловскій Михаилъ, Ломоносовъ Аркадій, Чернышевъ Николай, Романовскій Сергѣй, 25) Лаишевскій Викторъ, Царевскій Иванъ, Львовъ Николай, Любимовъ Анатолій, Спасскій Борисъ, 30) Димитревскій Александръ и 31) Сперанскій Николай.

II. Назначаются переэкзаменовки послѣ каникулъ:

32) Стеклову Сергѣю по русскому съ церковно-славянскимъ и латинскому языкамъ.

III. Допускается къ экзаменамъ по всемъ предметамъ послѣ каникулъ.

33) Зайцевъ Всеволодъ.

III-й КЛАССЪ.

I. Переводятся въ IV-й классъ: а) въ первомъ разрядѣ:

1) Далматовъ Михаилъ, Виноградовъ Василій, Ломоносовъ Владиміръ, Тихомировъ Алексѣй, 5) Линцевъ Сергѣй,

Вознесенскій Александръ, Измайловъ Юрій, Вознесенскій Леонидъ, 9) Соловьевъ Викторъ.

б) во второмъ разрядъ:

10) Сидоровъ Леонидъ, Аверьяновъ Аркадій, Молчановъ Андрей, Смѣловъ Алексѣй, Турентиновъ Алексѣй, 15) Монастыревъ Гурій, Лепоринскій Николай, Троицкій Николай, Четаевъ Сергѣй, Печенинъ Леонидъ, 20) Целерицкій Сергѣй, Черкасовъ Николай, Димитріевъ Иванъ и 23) Скворцовъ Андрей.

II. Назначаются переэкзаменовки послѣ каникулъ:

- 24) Четаеву Гавриилу по Катихизису.
- 25) Дьякову Николаю по ариѳметикѣ.
- 26) Панкратьеву Владиславу по греческому языку.
- 27) Смирнову Александру по греческому языку.
- 28) Юнусову Владимиру по ариѳметикѣ.
- 29) Ильинскому Александру по катихизису и русскому съ церковно-славянскимъ языку.
- 30) Милонову Михаилу по греческому языку и географіи.
- 31) Павлиному Александру по русскому и церковно-славянскому языку и географіи.
- 32) Тихомирову Андрею по греческому и латинскому яз.

III. Допускаются къ экзаменамъ по всемъ предметамъ послѣ каникулъ:

33) Арнольдъ Владиміръ, Давыдовъ Павелъ, 35) Касаткинъ Николай, Левицкій Евгений, Титовъ Сергѣй, 38) Чернышевъ Владиміръ.

IV. Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

39) Воздвиженскій Александръ и 40) Шумиловъ Сергѣй.

II-й классъ.

I. Переводятся въ III-й классъ: а) въ первомъ разрядъ:

1) Тихомировъ Владиміръ, Благовѣщенскій Петръ, Семеновъ Александръ, Арскій Александръ, 5) Покровскій Веніаминъ, Виноградовъ Иванъ, Запольскій Александръ, Столповъ

Николай, Воздвиженскій Аркадій, 10) Протодіаконовъ Григорій, Ивановъ Петръ, Братолюбовъ Александръ, Соловьевъ Викторъ, Бѣлорусовъ Фортунатъ, 15) Захаровъ Иванъ, Цвѣтковъ Владиміръ, Тепловъ Николай 18) Источниковъ Николай.

б) во второмъ разрядѣ:

19) Безпаловъ Александръ, 20) Соколовъ Александръ, Соколовъ Сергѣй, Спасскій Александръ, Чижевъ Михайль, Ильинскій Михайль, 25) Степановъ Сергѣй, Давыдовъ Николай, Охотинъ Веніаминъ, Сельскій Александръ, и 29) Чесновъ Николай.

II. Назначаются переэкзаменовки послѣ каникулъ:

30) Аверьянову Георгію по ариѳметикѣ.

Шумилову Владиміру по русскому и церковно-славянскому
языку.

Шумилову Леониду по русскому и церковно-славянскому
языку.

Соколову Николаю по ариѳметикѣ и географіи.

Казыльскому Петру по русскому съ церковно-славянскимъ
и латинскому языкамъ.

35) Добросмыслову Геннадію по ариѳметикѣ и географіи.

Соловьеву Константину по русскому и церковно-слав.
языку и латинскому языку.

37) Яхонтову Владиміру назначается экзаменъ по всѣмъ
предметамъ послѣ каникулъ.

III. Остаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Толпѣгинъ Сергѣй, Сорокинъ Михайль, Пичугинъ Теодоръ, и 41) Спасскій Николай.

IV. Увольняются изъ училища:

Богатыревъ Гурий, Просперовъ Николай.

I-й классъ:

I. Переводятся во II-й классъ: а) въ первомъ разрядѣ:

1) Столповъ Владиміръ, Васильевъ Владиміръ, Покровский Леонидъ, Поповъ Дмитрій, 5) Воздвиженскій Антоній, Архангельскій Николай, Воскресенскій Михаилъ, Фортунаговъ Леонидъ, Предтеченскій Петръ, 10) Софійскій Сергѣй, Хрусталева Алексѣй, Ташевскій Геннадій, Черкасовъ Дмитрій, Черкасовъ Константинъ, 15) Магнитскій Александръ, Черкасовъ Аркадій, Покровский Викторъ, Троицкій Анатолій, Дмитревскій Владиміръ 20) Козловъ Сергѣй, Лебедевъ Петръ, 22) Тавельскій Борисъ.

б) во второмъ разрядѣ:

23) Яхонтовъ Евгений, Ивановъ Павелъ, 25) Рождественскій Евгений, Сорокинъ Василій, Ясницкій Николай, Левинъ Михаилъ, Троицкій Борисъ, 30) Львовъ Николай, Смирновъ Евгений, Голубевъ Михаилъ, Курочкинъ Александръ, Лепоринскій Алексѣй, 35) Матвѣевскій Анатолій, Тихонравовъ Александръ, Смѣловъ Николай, Левитскій Викторъ, Шекаровъ Борисъ, и 40) Красновидовъ Сергѣй.

II. Назначаются переэкзаменовки послѣ каникулъ:

41) Троицкому Александру по ариѳметикѣ.
Октаеву Анатолю по священной исторіи.
Благовѣщенскому Павлу по священной исторіи.
Суворову Борису по ариѳметикѣ и географіи.
Царевскому Георгію по священной исторіи и географіи.

III. Оставляется въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

46) Милоновъ Петръ.

IV. Увольняются изъ училища.

Ласточкинъ Евгений, Мятниковъ Николай, Ежевъ Михаилъ и Соловьевъ Иванъ.

РАСПИСАНИЕ

для испытаній дѣтей, желающихъ поступить въ Казанское духовное училище, а также для учениковъ, коимъ назначены переэкзаменовки, или кои по уважительнымъ причинамъ не сдавали экзамена при окончаніи 190⁷/₈ учебнаго года.

Годъ, мѣсяцъ, число, день.	Классы.	Испытанія.
1908 годъ. Августъ 19 вторникъ.	IV.	Переэкзаменовки ученикамъ, кои неудовлѣнительно сдали экзаменъ въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ и экзаменъ ученикамъ, кои по уважительнымъ причинамъ не сдавали онаго при окончаніи 190 ⁷ / ₈ учебнаго года.
Августъ 20 среда.	I.	
Августъ 21 четвергъ.	II.	
Августъ 22 пятница.	III.	
Августъ 25—26 понедѣльникъ— вторникъ.		
Августъ 27—28 среда—четвергъ.		Пріемные экзамены въ I-й классъ Училища.
Сентябрь 1 понедѣльникъ.		Молебенъ предъ началомъ занятій.

И. д. смотрителя Училища, помощникъ смотрителя
Александръ Покровский.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Чебоксарскаго духовнаго училища, составленный
въ концѣ 1907—8 учебнаго года.

ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ.

Переводятся въ 1-й классъ.

Разрядъ 1-й: 1) Васильевскій Авивъ, Евдокимовъ Θεодосій, Ломоносовъ Василій, Спиридоновъ Николай, 5) Агено-
совъ Анатолий, Пандиковъ Анатолий, Васюковъ Аркадій, Ана-
ньевъ Викторъ, Осановъ Владимиръ; 10) Румянцевъ Вален-
тинъ, Троицкій Андрей, Пактовскій Леонидъ.

Разрядъ 2-й: Смирновъ Антонинъ, Петровъ Сергѣй,
15) Лаврентьевъ Анатолий, Бонифатьевъ Алексѣй, Голубевъ
Викентій, Троицкій Николай, Ѳедотовъ Григорій, 20) Мар-
ковъ Михаилъ, Пчеловъ Африканъ, Тюленевъ Алексѣй, Не-
вѣровъ Михаилъ, Розовъ Николай, 25) Ѳедоровъ Вячеславъ,
Богатыревъ Митрофанъ, Богоявленскій Павелъ, Костинъ Ви-
кторъ, Дроздовъ Иванъ, 30) Дунинъ Сергѣй, Краковскій Ана-
толий, Ларионовъ Константинъ, Ефремовъ Николай, Ефимовъ
Никаноръ, 35) Кедровъ Евгений, Ляпидовскій Илларій, Нико-
лаевъ Иванъ, Стратилатовъ Константинъ.

Допускаются къ перекэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Разрядъ 3-й: Аристовскій Александръ—по ариеметикѣ,
40) Марковъ Александръ—по русскому языку и ариеметикѣ.

Оставляется въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Сосновскій Василій.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ.

Переводятся во 2-й классъ.

Разрядъ 1-й: 1) Филипповъ Иванъ, Карамышевъ Все-
володъ, Захаровъ Александръ, Болгарскій Гаврилъ, 5) Ще-
пелевъ Николай, Дроздовъ Николай, Мудровъ Сергѣй, Воск-
ресенскій Транквиллинъ, Архиповъ Веніаминъ.

Разрядъ 2-й: 10) Красновъ Геннадій, Тиховидовъ Борисъ, Рудольскій Василій, Потоцкій Валентинъ, Павловъ Иванъ, 15) Вишневскій Василій, Лебедевъ Иванъ, Хлѣбниковъ Кронидъ, Ефремовъ Борисъ, Гремячинъ Яковъ, 20) Земляницкій Всеволодъ, Маловъ Иванъ, Введенскій Василій, Вишневскій Геннадій, Воскресенскій Николай, 25) Земляницкій Иванъ, Гермогеновъ Анатолий, Аникинъ Зина, Ивановъ Геннадій, Алатовъ Александръ, 30) Богатыревъ Евгений, Мочаловъ Владимиръ, Невѣровъ Константинъ, Спасскій Николай.

Допускаются къ перекламеновкѣ послѣ каникулъ:

Разрядъ 3-й: Брагинъ Александръ—по Свящ. исторіи и географіи, 35) Зороастровъ Павелъ—по русскому языку и ариметикѣ, Архиповъ Михаилъ—по русскому языку и географіи, Дроздовъ Иванъ—къ экзамену по русскому языку.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Любимовъ Викторъ, Добровъ Аркадій, 40) Тимяшевскій Сергѣй.

Оставляется по болѣзни въ томъ же классѣ:

Любяновъ Анатолий.

Переводится во 2-й классъ внѣ разряда:

Софотеровъ Николай.

Второй классъ.

Переводятся въ 3-й классъ.

Разрядъ 1-й: 1) Евсевьевъ Александръ, Боголюбовъ Борисъ, Ходяшевъ Валентинъ, Добронравовъ Николай, 5) Воскресенскій Евгений, Каменскій Владимиръ, Троицкій Анатолий, Ивановъ Николай.

Разрядъ 2-й: Земляницкій Дмитрій, 10) Душинъ Евгений, Котицкій Германъ, Петропавловскій Константинъ, Гурьяновъ Александръ, Николаевъ Николай, 15) Остроумовъ Иванъ, Богоявленскій Александръ, Корытниковъ Николай.

Допускаются къ перекламеновкѣ:

Разрядъ 3-й: Стратилатовъ Николай и Богородицкій Вячеславъ—по латинскому языку, 20) Кудрявцевъ Петръ—по ариметикѣ, Костинъ Леонидъ, Богатыревъ Леонидъ и Степановъ Иванъ—по латинскому языку, Добросмысловъ Петръ—русскому и ц. слав. языку, 25) Мудровъ Максимилианъ—Священной исторіи, Львовъ Николай—русскому и латинскому яз., Брагинъ Алексѣй и Михайловъ Леонидъ—по Священной исторіи и латинскому языку.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Филишовъ Веніаминъ, 30) Дроздовъ Михаилъ, Рождественскій Леонидъ, Можаровъ Василій, Горюновъ Николай, Тюленевъ Валеріанъ, 35) Троицкій Николай, Богатыревъ Иванъ, Троицкій Венедиктъ.

ТРЕТІЙ КЛАССЪ.

Переводятся въ 4-й классъ.

Разрядъ 1-й. 1) Байдаровцевъ Гурій, Красновъ Петръ, Пѣтуховъ Николай, Любимовъ Димитрій, 5) Евсевьевъ Николай, Васильевскій Сергѣй, Киселевъ Сергѣй, Лаишевскій Александръ.

Разрядъ 2-й: Макарьевскій Алексѣй, 10) Тиховидовъ Сергѣй, Рыжовъ Александръ, Иваницкій Борисъ, Никоновъ Василій, Тоябинскій Сергѣй, 15) Преображенскій Владимиръ, Васильевъ Василій, Соколовъ Владимиръ, Рождественскій Петръ, Зиновьевъ Аркадій.

Допускаются къ перекламеновкѣ:

Разрядъ 3-й: 20) Пактовскій Анатолій, Свворцовъ Василій и Тринитатовъ Ѳаддей—по латинскому языку, Любимовъ Николай—латинскому языку, Визгинъ Иннокентій—русскому языку, 25) Тогаевъ Александръ—географіи, Зороастровъ Анатолій—русскому яз. и ариметикѣ, Выборновъ Ѳеодоръ—латинскому яз. и ариметикѣ, Евдокимовъ Владимиръ—по латинскому яз. и географіи и экзамену по ариметикѣ, природовѣдѣнію и пѣнію.

Оставляются на повторительный курсъ:

Крестниковъ Михаилъ и 30) Оедоровъ Алексѣй.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшности:

Щепелевъ Петръ.

ЧЕТВЕРТЫЙ БЛАСЪ.

Удостоены перевода въ 1-й классъ духовной семинари.

Разрядъ 1-й: 1) Лебедевъ Георгій, Журавлевъ Василій, Талантовъ Василій, Софотеровъ Константинъ, 5) Петропавловскій Алексѣй, Смирновъ Владиславъ, Ефремовъ Александръ.

Разрядъ 2-й: Петропавловскій Анатолий, Голубевъ Павелъ, 10) Васильевъ Николай, Ломоносовъ Александръ, Ефимовъ Аркадій, Софотеровъ Петръ, Весновскій Иванъ, 12) Крестниковъ Владиславъ.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ.

Разрядъ 3-й: Воскресенскій Иванъ и Пагторинскій Сергѣй—по ариметикѣ, Гортинскій Владимиръ—латинскому яз., Ляпидовскій Михаилъ—русскому и латинскому языку. 20) Оедоровъ Андрей—латинскому языку.

Оставляются на повторительный курсъ:

По болѣзни—Любимовъ Димитрій.

По прошенію отца—Некрасовъ Владимиръ.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшности:

Воскресенскій Леонидъ.

И. д. смотрителя училища іеромонахъ Іоаннъ.

И. д. Члена-дѣлопроизводителя Правленія училища
учитель Алексѣй Соколовъ.

РАСПИСАНИЕ

ПЕРЕЭБЗАМЕНОВОЕ И ПРИЕМНЫХ ИСПЫТАНИЙ ВЪ ЧЕБОКСАРСКОМЪ
ДУХОВНОМЪ УЧИЛИЩЕ ВЪ 1908 ГОДУ.

- Августа 18-го—по всѣмъ предметамъ IV класса.
Августа 19 и 20-го—приемный экзаменъ въ первый классъ
и всѣ предметы приготовит. класса.
Августа 21-го—приемный экзаменъ въ III классъ и
церковное пѣніе во всѣхъ классахъ.
Августа 22-го—приемный экзаменъ въ IV классъ.
Августа 23-го—по священной исторіи въ I и II классахъ.
Августа 25-го—по латинскому языку въ II и III клас.
Августа 26-го—по ариеметикѣ, географіи и природо-
вѣдѣнію въ I, II и III классахъ.
Августа 27-го—по русскому и ц.-славянск. яз. I, II
и III клас.
Августа 31-го—молебень предъ началомъ ученья.

Примѣчаніе: приѣма въ подготовительный классъ, за за-
крытіемъ его въ 1908—9 уч. году, и приѣма во II-ой классъ,
за неимѣніемъ вакансій въ немъ, не будетъ.

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПОУЧЕНІЕ

въ 5-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

„Да не речеши въ сердцѣ твоемъ: кто взыдетъ на небо? сиречь Христа свести. Или кто снидетъ въ бездну? сиречь Христа изъ мертвыхъ возвести. Но что глаголетъ Писаніе? близъ ти глаголь есть, во устнѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ: сиречь глаголь вѣры, еяже проповѣдаемъ“. (Рим. 10, 6—8).

Эти слова апостольскія мы слышали нынѣ за литургіей. Въ этихъ словахъ св. апостоль Павелъ даетъ отвѣты на великіе вопросы и недоумѣнія христіанской вѣры и жизни. Апостоль кратко очертилъ здѣсь все содержаніе своей проповѣди, указавъ ея первое и послѣднее слово. „*Великая благодѣтели тайна: Богъ явился во плоти*“ (1 Тим. 3, 16): *воплощеніе Божества*—вотъ начало, первое слово апостольской проповѣди. „*Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, Первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть чрезъ человека, такъ чрезъ человека и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамъ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ*“ (1 Кор. 15, 20—22): *Воскресеніе Христово*—залогъ и порука всеобщаго воскресенія, —вотъ конецъ, послѣднее слово апостольской проповѣди. Эти двѣ истины—воплощеніе и воскресеніе—болѣе всего вызывали недоумѣніе и недовѣріе у слушателей апостола. Во времена апостольскія многіе люди, славные своей мірской ученостью, спрашивали-то съ недоумѣніемъ, то съ насмѣшкою: „Кто это восходилъ на небо, чтобы Христа свести? Можетъ-ли Богъ сойти съ неприступной высоты своего величія и стать человѣкомъ? Возможно-ли воплощеніе Бога,—да и зачѣмъ оно нужно? Кто это сходилъ въ бездну, чтобы Христа изъ мертвыхъ возвести? Можетъ-ли мертвецъ, погребенный во глубинѣ земли, снова выйти оттуда живымъ? Возмож-

но-ли воскресеніе мертвыхъ,—да и нужно-ли оно?“ На эти недоумѣнія апостоль отвѣчаетъ: „*Близко къ тебѣ слово, въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ*“.—Ты хочешь знать, возможно-ли и нужно-ли воплощеніе Бога и воскресеніе мертвыхъ? Спроси свое сердце: оно отвѣтитъ тебѣ; прислушайся къ своимъ собственнымъ рѣчамъ, когда высказываешь лучшія, завѣтныя думы и желанія свои: совѣсть скажетъ тебѣ, что нельзя тебѣ и жить по-человѣчески безъ воплощенія Бога и безъ воскресенія“.

Послѣдуемъ и мы указанію апостола и поищемъ опоры для нашей вѣры въ лучшихъ стремленіяхъ сердца нашего. Мы переживаемъ тяжкое время всяческаго броженія и колебанія, по землѣ русской широкой волной разливаются безбожныя мысли и чувства, подъ заманчивой оболочкой свободаго слова науки и изящно написанной книги; немало такихъ людей, которые только по документамъ числятся христианами, а на дѣлѣ порвали всякую живую связь съ вѣрой и Церковью. Есть и такіе, которые хотятъ быть христианами безъ Христа; съ легкой руки Толстого многіе говорятъ: „Къ чему намъ эти отвлеченныя ученія, эти заоблачныя догматы о существѣ Божіемъ, о воплощеніи, о воскресеніи? все это такъ непонятно, такъ далеко отъ нашей жизни,—и совѣмъ не нужно; довольно съ насъ христіанскаго ученія о томъ, какъ намъ жить, какъ устроить эту земную жизнь справедливо и счастливо.“ Въ виду такихъ рѣчей намъ, христіанамъ, необходимо ясно сознавать, *какъ* и *почему* мы вѣруемъ. Къ этому призываетъ насъ тотъ же апостоль Павелъ; „*Братія, не будьте дѣти умою; на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтні*“ (1 Кор. 14, 20). Къ тому же призываетъ насъ и другой первоверховный апостоль Петръ: „*Будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ*“ (1 Петр. 3, 15). Итакъ, дадимъ же себѣ отчетъ въ томъ, почему мы вѣруемъ въ воплощеніе Бога и въ воскресеніе мертвыхъ,—и какое значеніе имѣетъ эта вѣра для нашей жизни.

Жизнь человѣческая справедливо называется долиной плача: отъ колыбели и до могилы человѣка окружаютъ скорби. Среди болѣзненныхъ стоновъ матери съ плачевнымъ крикомъ по-

является младенецъ на свѣтъ Божій; самые первые мѣсяцы и годы новаго человѣка проходятъ въ постоянномъ колебаніи между жизнью и смертію: младенецъ слабъ, легко подвергается многочисленнымъ недугамъ, и нерѣдко острая коса смерти подрѣзываетъ его, какъ еле распутившійся цвѣтокъ. Растетъ дитя,—растутъ и умножаются скорби его: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и яснѣе чувствуетъ оно и домашнюю бѣдность, и семейныя неурядицы, и потерю близкихъ, и свои школьныя огорченія. Доросъ человѣкъ до самостоятельной жизни,—начинаются заботы и скорби въ семьѣ и по должности, глубже чувствуются и общественныя неурядицы. Пережилъ человѣкъ пору своего мужества,—нѣтъ прежней свѣжести,—одолѣваютъ старческіе недуги, нерѣдко идетъ тяжелый раздоръ съ молодымъ поколѣніемъ, взаимное непониманіе и недовольство. Словомъ, нѣтъ возраста, нѣтъ сословія, нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы своихъ скорбей, нерѣдко тяжкихъ и лютыхъ, неожиданныхъ и неустрашимыхъ. А между тѣмъ всякій человѣкъ ищетъ счастья, желаетъ умножить свои радости и уменьшить свои скорби; и вотъ, человѣкъ стремится найти такое живое существо, съ которымъ можно было бы раздѣлить и горести, и радости и тѣмъ увеличить свое счастье: вѣдь, раздѣленное горе-пол-горя, а раздѣленная радость—двойная радость. И только эта сила—взаимная любовь—украшаетъ и освѣжаетъ скорбную жизнь нашу. Такая любовь легче всего зарождается и укрѣпляется между лицами равными,—между мужемъ и женой, братомъ и сестрой, между сверстниками и товарищами. Но вотъ наступаетъ такая скорбь, что не можетъ человѣкъ утѣшиться любовью и участіемъ *равнаго* существа: ищетъ онъ опоры и поддержки въ такомъ человѣкѣ, который выше и сильнѣе его; нужно страдальцу участіе и сочувствіе такого лица, которое гораздо раньше его само пережило скорби—и не погибло, пережило радости—и не зазналось, не возгордилось. Въ самыя тяжелыя минуты нашей жизни какъ дорога и утѣшительна для насъ поддержка того, кто сильнѣе, бодрѣ, умнѣе, опытнѣе и нравственно выше насъ! Но какъ ни дорогъ для страдающаго такой утѣшитель,—далеко не всегда найдешь его среди людей. Бываетъ такая лютая пора,—некуда обратиться, не съ кѣмъ посоветоваться: одинъ не пойметъ, другой и слушать не захочетъ, третій самъ не знаетъ, что сказать, четвертый—

далеко; страшнѣе всего такое одиночество,—и не пережить бы его никому, если бы не было утѣшителя сильнѣйшаго и святѣйшаго. Чтобы избавить меня отъ безвыходнаго отчаянія, нуженъ мнѣ человѣкъ, подобный мнѣ, который самъ съ успѣхомъ прошелъ бы тяжелую школу жизни людской и могъ бы по собственному опыту сочувствовать мнѣ; но этотъ человѣкъ долженъ быть таковъ, чтобы я всегда, вездѣ и во всякой бѣдѣ могъ обратиться къ нему, чтобы онъ всегда и отовсюду могъ меня видѣть и слышать, во всякомъ горѣ могъ бы меня полюбить и пожалѣть, во всякой бѣдѣ могъ бы подать мнѣ скорую и могучую помощь. Нуженъ намъ такой утѣшитель, который былъ бы вездѣ и всегда, видѣлъ и слышалъ бы все, любилъ бы всѣхъ безъ исключенія и все могъ бы сдѣлать,—Утѣшитель вѣчный, вездѣсущій, всебѣдущій, бесконечно любящій, всемогущій, словомъ *Богъ*, могущій всегда и во всемъ насъ спасти,—Онъ же и *человѣкъ*, могущій дѣлать наши человѣческія радости и скорби, необходимъ для нашей жизни *Богочеловѣкъ*,—необходимо *воплощеніе Божества*.

Ты скажешь: „Воплощеніе Бога *нужно* для насъ,—это ясно; но *возможно-ли* это? Можетъ ли Богъ стать человѣкомъ,—съ высоты величія своего умалиться до нашей скорби и бѣдности?“—Опять прислушайся къ голосу сердца своего; посмотри на силу любви человѣческой, и увидишь силу любви Божіей. Силою любви человѣкъ побѣждаетъ самого себя, самую природу свою, и отдаетъ себя въ жертву за любимаго. Вотъ женщина, въ дѣвичество рожаясь подъ заботливымъ присмотромъ родителей, въ замужествѣ окруженная попеченіями мужа, который старается удалить отъ нея всякія скорби и неприятности. Вотъ, ея дитя заболѣло,—и мать забываетъ покой и нѣгу, какими была окружена доселѣ, не доѣдаетъ куска, не досыпаетъ ночей, ухаживая за больнымъ ребенкомъ; любовь даетъ ей силу побѣдить себя и свои привычки. Вотъ русскія женщины, воспитанія нашимъ поэтомъ Некрасовымъ,—дворянки, воспитанныя въ богатствѣ, въ почетѣ, въ холѣ и роскоши. Постигъ мужа жизненный ударъ—ссылка въ Сибирь, и любящая жена идетъ съ нимъ дѣлать его суровую долю, изъ знатной барыни превращается въ ссыльную, покидаетъ всѣ барскія привычки, съ какими жила отъ колыбели; любовь даетъ ей силу побѣдить себя,

перенести и дальній трудный путь, и тяжелую арестантскую долю; и въ этомъ добровольномъ униженіи она неизмѣримо выше и величественнѣе, чѣмъ въ прежнюю пору несмѣтнаго богатства, неприступнаго величія и роскоши. На такую жертву способна любовь немощнаго и грѣшнаго человѣка; а для безконечной любви Божіей можетъ-ли быть тяжелой и невозможной кака-бы-то-ни-было жертва ради блага человѣка? Знатная женщина можетъ по любви поступиться своимъ внѣшнимъ величіемъ,—тѣмъ болѣе безконечно-любящей и всеильный Богъ можетъ снизить къ ничетѣ и скорби нашей. „Ты моя крѣпость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Богъ, Ты мое радованіе, не оставь нѣдра Отца, и нашу нищету посѣтивъ; тѣмъ съ пророкомъ Аввакумомъ зову ти: сила Твоей слава, Человѣколюбче!“

Итакъ, воплощеніе Бога и необходимо для насъ, и возможно для безконечной любви Божіей,—и совершилось на дѣлѣ съ пришествіемъ въ міръ Христа Спасителя. Господь Іисусъ ходилъ по землѣ въ образѣ смиреннаго человѣка, могъ сочувствовать намъ въ немощахъ нашихъ, какъ и всякій человѣкъ, чувствовалъ голодъ, жажду и усталость,—дѣлилъ радости людскія на бракѣ въ Канѣ Галилейской, на вечерахъ въ домахъ Симона, Марѳы и Маріи, дѣлилъ и горести людскія—утѣшалъ Гаира и Наинскую вдову въ потерѣ дѣтей, плакалъ надъ гробомъ друга своего Лазаря. Но сквозь смиренный образъ человѣка—Іисуса свѣтилась слава предвѣчнаго Сына Божія. Въ живомъ властномъ словѣ Христа слышалась небесная высота, Божеская мудрость и сердцевѣдѣніе. Его слово приводило въ трепетъ бѣсовъ, Его прикосновеніе возвращало больнымъ здоровье, слѣпымъ—зрѣніе, мертвымъ—жизнь. Какъ больные глаза не выносятъ яркаго свѣта дневнаго, такъ и гордыя души первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ не могли вынести святости Христа, которая была для нихъ постояннымъ, живымъ укоромъ и обличеніемъ; и вотъ, кроткій и благодостный Учитель схваченъ, осужденъ, избитъ, поруганъ, оплеванъ, преданъ позорной и мучительной смерти наряду съ разбойниками. При видѣ такой вончины Величайшаго Праведника и Чудотворца у всякаго чуткаго и мыслящаго человѣка является вопросъ: стоитъ-ли дѣлать добро? стоитъ-ли любить людей, благотворить имъ и учить ихъ добру? Вотъ, на Голгоѣѣ томится въ мукахъ Свя-

тѣйшій Учитель и Благодаритель рядомъ съ грабителями и душегубцами; Его любви—такой же конецъ, какъ и ихъ злобѣ, —смерть и холодная могила. Стоитъ-ли по-напрасну тратить силу на добро, когда ему такой-же конецъ, какъ и злу?

Задайся этимъ вопросомъ всякій человѣкъ, и попробуй отвѣтить на него безъ воскресенія Христова. Ученый мужъ, преданный наукѣ, но отрицающій воскресеніе! зачѣмъ ты трудишься, и какой смыслъ въ твоей работѣ? Ты изучаешь законы природы, обогащаешь свой умъ, приобретаешь себѣ имя,—а дальше что? умрешь, и зарюютъ тебя въ землю наравнѣ съ безграмотнымъ, лѣвивымъ, умалишеннымъ; къ чему же былъ твой трудъ? Правда, твое имя будетъ гремѣть въ потомствѣ, но что тебѣ пользы въ этомъ, если отъ тебя самого ничего не останется? Ты приносишь пользу другимъ людямъ; но и имъ конецъ одинъ—гробъ и могила; если все кончается смертію, то вся твоя ученая работа—ни къ чему. —Общественный дѣятель, готовый ревностно служить меньшей братіи, но не признающій воскресенія? есть-ли какой смыслъ въ твоемъ челоуѣколюбіи? Вѣдь, тебя часто не понимаютъ, осуждаютъ и ропшутъ на тебя даже тѣ самые люди, для которыхъ ты трудишься; твоей добротой злоупотребляютъ, тебя обманываютъ; часто самыя благія начинанія твои рушатся, изъ задуманнаго тобой добра выходитъ зло. Зачѣмъ же ты хлопчешь, тратишь силы, вопреки чувству самосохраненія портишь кровь и нервы, если и тебѣ, и всѣмъ людямъ одинъ конецъ—могила? Зачѣмъ льешь воду въ бездонную посуду, зачѣмъ трудишься безъ смысла? Не лучше-ли тебѣ махнуть рукой на всѣ добрые порывы—и жить только въ свое удовольствіе? *„Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша... И если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастные всѣхъ челоуѣковъ... Для чего и мы ежечасно подвергаемся бѣдствіямъ?.... Какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ? Станемъ псть и пить, ибо завтра умремъ!“* (1 Кор. 15, 14, 19, 30, 32).

Но воскресъ Христосъ,—и нѣтъ болѣе мѣста всѣмъ этимъ вопросамъ и недоумѣніямъ! Гробъ Христовъ пустъ; однѣ пелены остались на мѣстѣ; воскресшаго Учителя ученики видятъ, долго не вѣрятъ, осязаютъ руками, испытываютъ и, наконецъ, познаютъ съ достовѣрностью: воистину воскресъ

Христосъ! Теперь и для нихъ, и для насъ ясно и Божество Христа: только Богъ могъ побѣдить темную силу смерти, предъ которой безсильно склоняется все живое. Теперь мы можемъ вѣрить и слову Христову: „*Въ мѣръ скорбни будете; но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ мѣръ*“ (Іоан. 16, 33). Не скорби до отчаянія, человѣкъ, о потерѣ близкихъ сердцу твоему: воскресъ Христосъ,—и самая смерть стала поправимой бѣдой,—ты снова увидишь и узнаешь своихъ присныхъ въ день общаго воскресенія. Трудись, ученый! работай, простой труженикъ! благотвори людямъ, дѣятель общественный! все ваше добро, не оцѣненное здѣсь, воскреснетъ вмѣстѣ съ вами и возсіяетъ, какъ солнце, „*въ не вечернѣмъ дни царствія Божія*.“ Невѣрующей воплощенію и воскресенію! сознай свое неразуміе, устыдись его, признай въ вѣрѣ Христовой великую живительную силу, а если не хочешь, то откажись вовсе отъ всякой разумной и полезной жизни человѣческой. Вѣрующей! знай, почему, и зачѣмъ ты вѣруешь: безъ воплощенія Бога не перенести тебѣ скорбей житейскихъ, а безъ воскресенія Христова не стоитъ тебѣ и жить на свѣтѣ. Прославляй же Спасителя—Бога, воплотившагося и воскресшаго, стыдись малодушія въ скорбные часы твоей жизни и чаще взывай къ Начальнику вѣры: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога Живаго, пришедшій въ мѣръ грѣшныя спасти, отъ ниже первый есмь азъ!“

Священникъ Александръ Воронцовъ.

„Основные мотивы творчества М. Горькаго“. ¹⁾

Среди „босьяковъ“ Горькаго есть два вида: „босьяки не дѣйствующіе и не собирающіеся дѣйствовать“, и „босьяки приготавлиющіеся къ дѣйствию“.

Въ первыхъ онъ видитъ „разновидность босьяка“, не удовлетворяющую его. Эту мысль Горькій высказываетъ—мы видѣли—въ одномъ изъ лучшихъ своихъ рассказовъ—„Коноваловъ“.

На рѣчи Горькаго, что онъ—Коноваловъ—печальная жертва социальныхъ условий, послѣдній говоритъ:

¹⁾ Продолженіе. См. № 23—24.

„ . . Я на особой стезѣ... И не одинъ я,—много насъ эдакихъ. Особый намъ счетъ нуженъ... И законы особе... очень строгіе законы, что-бы насъ искоренять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто передъ нами виноватъ? Сами мы предъ собой и жизнью виноваты... Каждый чело-вѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ этомъ не повиненъ, ежели я подлець есть“. „Въ устахъ культурнаго чело-вѣка такія рѣчи,—говорить авторъ,—не удивили бы меня, ибо еще нѣтъ такой болячки, которую нельзя было бы найти въ сложномъ и спутанномъ психическомъ организмѣ, именуемомъ „интеллигентъ“... Но изъ устъ босяка странно было слышать эти рѣчи. Приходилось заключить, что Коноваловъ дѣйстви-тельно особая статья, *но я не хотѣлъ этого*... Я убѣждался, что имѣю дѣла съ разновидностью, нарушавшей мое пред-ставленіе о людяхъ, которыхъ *давно пора* считать за классъ.“

Соглашаясь съ Коноваловымъ въ томъ, что „настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга“, и противопостав-ляя этому „босяцкое бродяжничество“, авторъ въ цѣляхъ своей проповѣди идеализируетъ Коновалова, поднимая его до родства съ Разиномъ. Такъ, онъ читаетъ Коновалову „Бунтъ Стеньки Разина“ Костомарова и заставляетъ слушателя переживать судьбу Стеньки.

„...По мѣрѣ того, какъ историкъ рисовалъ своею художе-ственной кистью фигуру Степана Тимофеевича и „князь волжской вольницы“ вырасталъ со страницъ книги, Конова-ловъ перерождался...

Изрѣдка поглядывая на него, я видѣлъ, что онъ все болѣе и болѣе разгорается. Отъ него исходило что-то воз-буждавшее и опьянявшее меня—какой-то горячій туманъ... И вотъ, въ состояніи какого-то нервнаго трепета, полного предчувствія чего-то необычайнаго, я дошелъ до того, какъ поймали Стеньку. „Поймали!“ рявкнулъ Коноваловъ.—„Боль, обида, гнѣвъ звучали въ его сильномъ возгласѣ. У него выступилъ потъ на лбу и глаза странно расширились... Можно было думать, что именно Коноваловъ, а не Фролка—родной братъ Разину. Казалось, что какія-то узлы крови, не разрывныя и не остывшія за три столѣтія, до сей поры связы-ваютъ этого босяка со Стеньгой, и босякъ со всей силой

живого крѣпкаго тѣла, со всей страстью тоскующаго духа, чувствуетъ боль и гнѣвъ пойманнаго триста (?) лѣтъ тому назадъ вольнаго сокола“.

Положимъ, дата историческая немножко—изъ 300 лѣтъ почти на сто-невѣрна, но за то сопоставленіе „босняка“ съ бывшей поволжской вольницей характерно и смѣло. Здѣсь не мѣсто опредѣлять значеніе Стеньки Разина и его роль, какъ типичнѣйшаго представителя одного изъ народныхъ теченій въ нашемъ историческомъ прошломъ; этого не пытается дѣлать въ своемъ разсказѣ и Горькій. Но для него важно то, что Разинъ въ свое время былъ противоположеннымъ элементомъ, и сумѣлъ держать въ трепетѣ тогдашнюю власть, а теперь таковымъ элементомъ являются „босяки“. Сумѣй они проникнуться сознаниемъ, что они особый классъ, объединись тѣснѣе и плотнѣе, и они заставятъ говорить и помнить о себѣ. А что они готовы сдѣлать и могутъ при случаѣ сдѣлать, это намъ скажутъ „босяки“, приготовляющіеся къ дѣйствию, напр. Орловъ, въ разсказѣ „Супруги Орловы“.

Орловъ—пьяница, сапожнымъ ремесломъ занимается плохо, и колотитъ жену, какъ только можетъ. Въ городѣ случилась холера и супруговъ взяли на службу въ холерные бараки. Когда бараки закрылись, докторша устроила Матрену при школѣ, и та зажила трудовой жизнью, выучилась грамотѣ, взяла себѣ на воспитаніе двухъ сиротъ изъ приюта. Мужъ ея, Григорій, который сначала тоже почувствовался въ баракахъ, потомъ началъ пить, безобразить, бить жену; хотѣлъ ее снять съ мѣста, но этого не допустили, и онъ ушелъ „босячить“, какъ опредѣлила его жена. Авторъ познакомился съ нимъ въ одной изъ городскихъ трущобъ, и они сдѣлались друзьями. Разсказавъ Горькому свою исторію, Орловъ заду-мался не надолго и потомъ сказалъ:

— „Вотъ, такъ-то, значить, Максимъ Савватѣичъ, приподняло меня да и шлепнуло. Такъ я никакого геройства и не совершилъ. А и по сію пору хочется мнѣ отличиться на чемънибудь...“

Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей! Или вообще что-нибудь эдакое, чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулѣ вы лицемѣрное и больше ничего! И потомъ внизъ тармашками съ высоты и...

вдребезги! Н—да-а!... Скучно! И ахъ, какъ скучно и тѣсно мнѣ жить!... Думалъ я, сбросивъ съ шеи Матрешку:—н-ну, Гриня, плавай свободно, якорь поднять! Анъ не тутъ-то было—фарватеръ мелокъ! Стопъ! И сижу на мели... Но не обсохну, не бойсь! Я себя проявлю! Какъ?—это одному дьяволу извѣстно... Жена? На кой ее... Когда меня во всѣ стороны сразу тянетъ... Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ... и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и... тѣсно все-таки! Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія... Пью? Конечно, а какъ же? Все-таки водка—она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ. Противно все—города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Всѣ другъ на друга... такъ бы всѣхъ и передушилъ! Эхъ ты жизнь, дьявольская ты премудрость!

Замыслы Орлова, какъ видите, широко. Онъ хочетъ геройства, хочетъ „раздробить всю землю“, мечтаетъ о шайкѣ товарищей, о томъ, „чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты“... Въ словахъ Орлова—босяцкій катихизисъ, проповѣдуемый Горькимъ. „Босякъ идетъ походомъ на Бога, потому что онъ не такъ создалъ міръ; на людей, потому что они—гады, жулье и лицемеры; на семью, потому что она мѣшаетъ; на города и деревни, потому что они ему противны. „Босякъ“, мечтающій всѣхъ передушить,—существо, конечно, не безопасное для общественнаго строя, его спокойствія. Представьте себѣ скопище такихъ Орловыхъ, Сережекъ, Коноваловыхъ, да въ придачу Мальвъ—всѣ они вѣдь, по мысли автора, сродни по духу Стенкѣ-Разину; представьте ихъ напившихся до неистовства водкою и идущихъ съ готовностью разлетѣться самимъ вдребезги и душиить встрѣчнаго и поперечнаго; пожалуй, не далеко было бы и осуществленіе пьяной грезы босяка—сапожника Орлова. „Раздробить всю землю въ пыль“, конечно не удалось бы, а стать по выше и плюнуть съ высоты на всѣхъ людей, —это, пожалуй, вышло бы. Да, въ массѣ всѣ эти „босяки“—матеріалъ горючій, и въ умѣлыхъ рукахъ вполне пригодный для разрушенія вѣковыхъ основъ общественности...

40 лѣтъ тому назадъ критикъ Писаревъ объ истинномъ поэтѣ писалъ: „любовь, неразрывно связанная съ ненавистію,

составляет и непременно должна составлять для истинного поэта душу его души“, или: „чтобы дѣйствительно писать кровью сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко сознательно любить и ненавидѣть“ („къ идеямъ добра, истины и красоты“). По мысли критика, для созидающей любви необходимы предварительно для расчистки стоящихъ на дорогѣ препятствій протестъ и негодованіе, сила отрицательныхъ чувствъ, какъ разложеніе зерна, прежде чѣмъ оно дастъ ростокъ, и наоборотъ: отрицательныя чувства— протестъ, ненависть цѣнны не сами по себѣ, а какъ только орудіе для созидающей любви, для лучшей, ясно представляемой будущей реальности, для выношеннаго въ душѣ положительнаго идеала. Если съ этой точки посмотрѣть на рисуемый Горькимъ образъ „босняка“, то мы увидимъ, что Горькій глубоко проникся только „протестомъ“, „ненавистію“, въ рѣчахъ его „босяковъ“ не слышно о силѣ „любви“, мы не видимъ никакого реального идеала, во имя чего можно и должно протестовать. Въ самомъ дѣлѣ— „раздробить всю землю въ пыль“ можетъ быть не путеводною звѣздою человѣческой жизни и дѣятельности, а только больною грезой распаленнаго отъ вина воображенія.

Итакъ, до сихъ поръ „въ босякахъ“ Горькаго мы видѣли только, такъ сказать, оргіазмъ борьбы, для котораго не хватало своей марсельезы, гимна бури и разрушенія. И онъ данъ Горькимъ въ „Пѣсни о буревѣстникѣ“, которою заканчивается пятый томъ его рассказовъ. Въ этой пѣсни вы слышите упоеніе борьбой, желаніе разрушеній, призывный кличъ пролетаріата къ ненависти и къ побѣдѣ путемъ скорого революціоннаго урагана.

„Между тучами и моремъ гордо рѣветъ буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взлетая къ тучамъ, онъ кричитъ, и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ — жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

. . . Вотъ онъ носится, какъ демонъ—гордый, черный, демонъ бури,—и смѣется, и рыдаетъ.... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ...

... Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...

... Буря! Скоро грянетъ буря!

... Пусть сильнѣе грянетъ буря!“

Положимъ, по словамъ поэта:

„Есть упоеніе въ бою

И бездны мрачной на краю...“

И Горькій, давая полный просторъ своимъ грезамъ и героическому одушевленію, владѣющему имъ, идеализируетъ своего босяка.

Но и для него босякъ—не выходъ, не идеаль; вѣдь въ сущности говоря, ровно ничего привлекательнаго въ немъ нѣтъ. Идеализируй въ босякѣ „мятежный и непримиримый духъ“, восторгайся имъ, а все-таки „реальный босякъ“—только пропойца и тунеядецъ и положительнаго въ немъ ничего нѣтъ. О чемъ они мечтаютъ? Да большинство—ни о чемъ, а просто ѣдятъ, когда хочется ѣсть и когда находится что подъ рукой, спятъ, когда спится, говорятъ съ людьми, когда хочется говорить, и молчатъ, когда говорить не о чемъ. Пусть въ нихъ порывистый и мятежный духъ, но мысль-то смутная, неогрыленная, лѣнивая мысль, и бредутъ они—то усталые, то сытые, то голодные по дорогѣ жизни, не заглядывая въ будущее дальше ближайшаго ночлега, не видя даже никакой надобности заглядывать въ него. Пусть они являются символомъ протеста, допустимъ, гордаго и свободолюбиваго человѣка. Пусть устами ихъ Горькій говоритъ: „жить начинать надо однимъ отрицаніемъ, потому что все, что мы признаемъ, въ сущности давно уже сгнило“. Но что же дальше? Все время носить въ себѣ только одинъ анархизмъ мысли и настроенія, не признающихъ никакихъ стѣсненій, никакихъ властелиновъ, жить одною только ненавистью къ былому, желаніемъ разрушенія вѣками нажитаго—нельзя, и это не выходъ.

Попытку дать нѣчто опредѣленное въ смыслѣ идеологіи Горькій дѣлаетъ въ своемъ произведеніи—„На днѣ“, гдѣ онъ выводитъ двухъ проповѣдниковъ своего ученія Луку—странника и Сатина-босяка.

Главная основа ученія Луки сходится съ ученіемъ Сатина; для нихъ обоихъ центромъ является не то или другое нравственное правило, не вѣра во что-либо, а ихъ эгоистическое представленіе о человѣкѣ, какъ собственномъ центрѣ и

центрѣ всего окружающаго. Понятія по вѣрѣ и правдѣ считаются Лукою условными. Онъ видитъ въ нихъ только практическое примѣненіе къ каждому отдѣльному случаю: Лукѣ ложь дороже правды, если правда можетъ безпокоить человека. Воръ Васыка Пепель бесѣдуетъ съ Лукою. Пепель по природѣ жизнерадостный, но въ немъ, нѣтъ—нѣтъ, да проснется червь сомнѣнія, его грызущій. Лука совѣтуетъ ему уйти изъ ночлежки, гдѣ осложнившіяся отношенія Пепла къ супругамъ Костылевымъ и Наташѣ не сулятъ ничего добраго, совѣтуетъ ему итти въ Сибирь.

„Лука.—А хорошая сторона—Сибирь! Золотая сторона! Кто въ силѣ, да въ разумѣ, тому тамъ—какъ огурцу въ парникѣ.

Пепель. Старикъ! зачѣмъ ты все врешь?...

Лука. Это въ чемъ же вру-то я?

Пепель. Во всемъ... Тамъ у тебя хорошо, здѣсь хорошо... Вѣдь—врешь! На што?

Лука. А ты мнѣ—повѣрь, да поди, самъ погляди...
. . . . И... чего тебѣ правда больно нужна... подумай-ка!

Она, правда-то, можетъ, обухъ для тебя...

Пепель. . . . Слушай, старикъ: Богъ есть? (Лука молчитъ, улыбаясь)... Ну? есть? говори...

Лука (не громко). Коли вѣришь, есть; не вѣришь, нѣтъ... Во что вѣришь, то и есть“..... „Коли вѣришь въ Бога—Онъ есть. Коли не вѣришь—Его нѣтъ“.

Опредѣленіе высказаться нельзя. Для Луки, хотя онъ въ другомъ мѣстѣ и поминаетъ Христа, никакого Бога нѣтъ. Онъ Его не ищетъ и въ Немъ не нуждается. Богъ—это у Луки мечта, инымъ людямъ нужная, для другихъ бесполезная,—ученіе легкое и удобное. Пепель, видя, что старикъ какъ будто добрый и толковый, въ мгновеніе пробуждающейся совѣсти обращается къ нему въ поискахъ правды, а Лука отвѣчаетъ: „и не ищи правды,—она, можетъ, обухъ для тебя“. Эта упрощенная мораль, дѣйствительно, удобна. Никакихъ нравственныхъ требованій ни къ кому не предъявляется. Живи, пока живется, угрызения совѣсти отбрось, какъ помѣху. Лука твердъ въ своемъ представленіи о томъ, что ничего на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ того, что человекъ себѣ вообразить; это онъ снова подтверждаетъ въ своемъ разговорѣ съ Настей, живущей тамъ же въ ночлежкѣ. Все дѣло въ человекѣ. А

что такое „человѣкъ“, намъ объясняетъ Сатинъ. Тѣ слова, которыя нужны Горькому, Сатинъ говоритъ въ заключительныхъ сценахъ.

Въ послѣдней сценѣ Сатинъ такъ проповѣдуетъ, уговаривая барона не мѣшать молиться татарину.

„Когда я пьянъ... мнѣ все нравится... Н—да... Онъ молится? Прекрасно! Человѣкъ можетъ вѣрить и не вѣрить... Это его дѣло! Человѣкъ свободенъ... Онъ за все платитъ самъ: за вѣру, за невѣріе, за любовь, за умъ. Человѣкъ за все платитъ самъ и потому онъ — свободенъ! Человѣкъ— вотъ правда!

Что такое человѣкъ? Это не ты, не я, не они. . . . Нѣтъ. Это ты, я, они, старикъ Наполеонъ, Магометъ... въ одномъ (очерчиваетъ пальцемъ въ воздухѣ фигуру человѣка). Понимаешь? Это—огромно! Въ этомъ—всѣ начала и концы... Все въ человѣкѣ, все для человѣка! Существуетъ только человѣкъ, все же остальное—дѣло его рукъ и его мозга! Чело-вѣкъ! Это—великолѣпно! Это звучитъ... гордо! Человѣкъ! Надо уважать человѣка! Не жалѣть . . . не унижать его жалостію . . . уважать надо. Выпьемъ за человѣка, баронъ! (Встаетъ). Хорошо это—чувствовать себя человѣкомъ! Я—арестантъ, убійца, шулеръ-ну, да!

Когда я иду по улицѣ, люди смотрятъ на меня, какъ на жулика . . . и сторонятся и оглядываются . . . и часто говорятъ мнѣ — мерзавецъ! шарлатанъ! работай! Работать? Для чего? Чтобы быть сытымъ? (Хохочетъ).

Я всегда презиралъ людей, которые слишкомъ заботятся о томъ, чтобы быть сытыми. Не въ этомъ дѣло, баронъ! Не въ этомъ дѣло? Человѣкъ—выше! Человѣкъ—выше сытости!“

До чего эта проповѣдь „своеобразнаго индивидуализма“, начало которой мы видимъ еще раньше, напр. въ рѣчахъ Тетерева въ „Мѣщанахъ“, трогала многихъ зрителей и читателей пьесы,—можно видѣть изъ тѣхъ эпитетовъ, которые прилагались къ ней и въ разговорахъ, и въ печати; „гимнъ человѣчеству“, „вдохновенный призывъ“, „обрисовка высокаго идеала“—вотъ какъ говорилось и писалось про нее.

Но прежде всего, что это значить:—„человѣкъ свободенъ онъ за все платитъ самъ: за вѣру, за невѣріе, за любовь, за умъ. Человѣкъ за все платитъ самъ, а потому онъ свободенъ“.

Существуетъ-ли и возможна-ли эта „автономная“ свобода человѣка?

Вѣра, невѣріе, любовь, умъ, не такія-ли, наоборотъ, это „цѣнности“, за которыя люди обыкновенно невольно расплачиваются, и расплачиваются не менѣе жестоко, чѣмъ за темпераментъ, совѣсть и пр. И вотъ, какимъ то образомъ это обстоятельство и служить доказательствомъ независимой свободы человѣка. Горькій прибавляетъ къ слову „платить самъ“ еще „за все“, какъ будто намекая этимъ, что свобода человѣка становится тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше предметовъ и цѣнностей, за которые ему приходится платить. „За все платить самъ—потому свободенъ“.

Но подумайте, какія слѣдствія вытекаютъ изъ всей этой смутной философіи. Сотни тысячъ истощенныхъ бѣдностію и болѣзнями людей погибаютъ отъ голода, тифа, чахотки, *платяся жизнью* за то, что родились отъ такихъ же истощенныхъ бѣдностію, болѣзнями и трудомъ родителей,—*а потому они свободны....* Неисчислимыя массы людей чрезвычайно жестоко расплачиваются за съвивающую (т. е. лишаящую свободы) ихъ умъ и волю темноту—*потому они свободны*. Сколько благороднѣйшихъ людей обречены страдать чуть не всю жизнь только за то, что *не могли преодолѣть* чувство любви, жалости, негодованія или имѣли нехстати много ума, стыда и совѣсти!

Дорогою цѣною они *платятъ* за это—и Горькій изъ этого именно можетъ вывести, что *они свободны*, а, слѣдовательно, *сами отвѣтственны* за свои страданія, потому что, по его мнѣнію, признаніе свободы есть признаніе отвѣтственности.

Чувствуете-ли, какой угрожающей смыслъ скрывается за всѣми этими „потому“? Знаете-ли, къ чему ведутъ всѣ эти яко бы „ободряющія“, даже „окрыляющія“ восклицанія: „человѣкъ свободенъ! Человѣкъ свободенъ!“

Путемъ благороднѣйшихъ усилій великихъ умовъ человечество начинаетъ приходить къ сознанію, что въ большинствѣ случаевъ наслѣдственность, среда, инстинкты, страсти, умственная темнота, нужда, страхъ и пр. держатъ человѣка въ порабощеніи, снимая съ него отвѣтственность за большую часть его поступковъ. Въ этой, именно, мысли о неавтономности человѣческой свободы черпаютъ для себя

основаніе гуманнаго начала законодательства и воспитанія. Русская литература въ цѣломъ рядѣ высокохудожественныхъ произведеній („Мертвыя души“, „Обломовъ“, „Преступленіе и Наказаніе“, „братья Карамазовы“, „Власть тьмы“ и др.) съ особою силою старалась напечатлѣть въ нашихъ умахъ мысль о силѣ обстоятельствъ надъ человѣкомъ. Гоголь, Гончаровъ, Достоевскій, Толстой говорили намъ до сей поры: „Посмотрите—каковы люди! Сколько въ нихъ пороковъ, на какой-бы ступени общественной лѣстницы вы ихъ ни наблюдали! Вотъ они во „тьмѣ“, подъ гнетомъ нужды, „тычутся (по выраженію Митрича), какъ слѣпые щенята въ навозъ“. Но какою сѣтью преступленій опутываютъ они другъ друга,—преступленій, на которыя идутъ тѣмъ легче, что не сознаютъ вполнѣ ихъ ужаса! („Власть тьмы“) Вотъ они свободны отъ нужды, имѣютъ привилегію жить чужимъ трудомъ. Но съ неразвитымъ умомъ, лишеныя контроля общественнаго мнѣнія, они становятся или до мозга костей пошляками, довольствующимися чисто растительною жизнію или дервенѣютъ въ жадности и самодовольствѣ („Мертвыя души“, „Старосвѣтскіе помѣщики“). Но и тѣ, что имѣли возможность развить свой умъ, перѣдко всю жизнь бездѣльничаютъ, лежа на боку („Обломовъ“), или пользуются своимъ развитіемъ для того, чтобы оправдывать свои же преступленія или проповѣдывать „имморальность“ своихъ дѣйствій („Карамазовы“). Но не судите ихъ строго? Вникните внимательно въ то, какъ прошло ихъ дѣтство, при какихъ условіяхъ имъ приходилось развиваться и жить—и вы станете къ нимъ *снисходительны*? Очень можетъ быть, что и вы, попавши на ихъ мѣсто, были бы не лучше ихъ!“... Слушали мы эти рѣчи и подъ вліяніемъ ихъ все меньше и меньше винили отдѣльныхъ людей. „Тутъ, говорили мы, виновата вся система. Она дѣлаетъ, вообще говоря, людей такими, а не иными“. И не разъ пылкое чувство презрѣнія и злобы затихало у насъ подъ вліяніемъ гуманныхъ учителей.

Но попробуйте теперь стать на точку Сатина, считать всѣхъ этихъ людей „независимо свободными“, говорить: „если только человѣкъ захочетъ, онъ при всякихъ условіяхъ можетъ быть честнымъ, разумнымъ, дѣльнымъ“, то вѣдь не было бы тогда „безъ вины виноватыхъ“, а, какъ у Простакова, „всякая вина была бы виновата“.

Согласитесь, что первая строфа „гимна человечеству“ недостаточна человѣчна. А дальнѣйшія слова?— „все въ человѣкѣ, все для человѣка... существуетъ только человѣкъ, остальное—дѣло рукъ его и мозга!“...

Итакъ, не только свобода, но и всемогущество! Но человѣкъ ли это? не больше-ли? Да, это уже не жалкое существо, которое, хотя и „умомъ громамъ повелѣваетъ“, но преисправно мретъ милліонами отъ ничтожной бактеріи... Нѣтъ, это существо ... богоравное, и безчисленные звѣздные міры, вулканы, землетрясенія, бактеріи, ураганы, наводненія, и еще много-много „остального“—дѣло рукъ и мозга этого существа ... Такова космогонія!

Послѣ того, что сказано о свободѣ и могуществѣ человѣка, понятно самодовольное восклицаніе Сатина: „А хорошо это чувствовать себя человѣкомъ! Чело-вѣкъ! Это великолѣпно! Это звучитъ гордо. Чѣ-ло-вѣкъ!“! А отсюда, понятно, „уважать нужно человѣка, а не унижать его жалостью“. А вотъ старикъ Мармеладовъ, захмѣлевшій столько же отъ водки, сколько и отъ безысходнаго горя, оплакиваетъ вынужденный позоръ своей дочери и проситъ пожалѣть его потому, что онъ „тоже человѣкъ“; гордо-ли здѣсь звучитъ слово „человѣкъ“? Но Мармеладовъ и, вообще, такого разбора люди у Горькаго и Сатина, кажется, въ счетъ не идутъ. Вѣдь Мармеладовъ... проситъ, чтобы его пожалѣли. Можеть-ли самоуниженіе итти дальше? Вѣдь по Горькому, жалѣть другого-это значитъ „унижать человѣка“.. Какъ же самому просить о собственномъ униженіи? Подобныя люди могутъ внушить Сатину только брезгливость... и „уваженіе“, какое онъ питаетъ къ своимъ сотоварищамъ, выражая его въ словахъ: „скоты, чучело, болванъ, дубы, кирпичи и т. п.“ Допустимъ, что „человѣкъ“, о которомъ говоритъ Сатинъ— „это не ты, не я, не они, ... нѣтъ, человѣкъ-это ты, я, они... (очерчиваетъ пальцемъ въ воздухѣ фигуру человѣка). Понимаешь? Это-огромно“. Это-все человечество въ идеальномъ раскрытіи своей природы, мысли, творчества; оно будетъ свободно и могущественно, и оно не будетъ нуждаться ни въ какой жалости, будетъ самоуслаждаться „уваженіемъ“, но вѣдь это пока „фантастическій образъ“, а дѣйствительные-то, реальные люди, которые существуютъ теперь, они-то на что могутъ разсчитывать: на уваженіе или жалость, или ни на то, ни на дру-

тое? Сатинъ, повидимому, призываетъ къ уваженію человѣка вообще, отвлеченнаго чѣловѣка (всѣхъ въ одномъ), а не отдѣльныхъ лицъ; жалѣть же не слѣдуетъ никого. Но допустимъ, что по Горькому уважать надо всякаго человѣка за то уже, что онъ чловѣкъ. Не кажется-ли вамъ мысль, что „жалѣть людей не надо, потому что это ихъ унижаетъ“, возмутительной? Между тѣмъ эта „Ницшеанская“ мысль Горькому особенно симпатична, и онъ особенно старается культивировать ее на русской почвѣ. Недаромъ онъ цѣликомъ вложилъ ту же мысль и въ уста Тетерева, да и въ другихъ произведеніяхъ она сквозитъ довольно ясно.

„Жалѣть людей“—значить унижать ихъ....

Итакъ, если въ прошлые годы доходившія до васъ извѣстія о мукахъ голодающихъ крестьянъ трогали ваше сердце жалостію; если иной разъ вы отказались отъ билета въ театръ или на концертъ и послали деньги туда, гдѣ люди ѣли землю вмѣсто хлѣба—какъ же вамъ должно быть теперь совѣстно! Вы унижали голодающихъ своею жалостію, вы хотѣли протянуть имъ руку помощи! Вы, вѣроятно, радовались, что среди молодежи есть еще достаточное число добрыхъ людей, которые, во что бы то ни стало, желали сами ѣхать на мѣсто голода, кормить, ухаживать за больными, утѣшать безнадежныхъ... Что вы надѣлали? Вы не только унижали сами голодающихъ своею жалостію, но поощряли къ тому же и другихъ. Вы прежде думали, что, если кому уже нельзя помочь радикально, ему все-таки дороги—ласковая улыбка, теплое слово, просто присутствіе искренне „жалѣющаго“ чловѣка. Теперь же, должно быть, нужно говорить (какъ Сатинъ Настѣ): „какая тебѣ польза, если я тебя пожалѣю“? Теперь надо думать, что голодающимъ было-бы легче, если бы ихъ никто не жалѣлъ, а только уважали бы.

И для васъ это было бы легче, во всякомъ случаѣ. Припомните—вы многихъ людей уважаете, но побуждаетъ-ли васъ это одно чувство что нибудь дѣлать для нихъ? Вѣдь нѣтъ?

Уважаемые вами обыкновенно, впрочемъ, настолько сыты и сильны, что въ вашей помощи и не нуждаются.

А если бы и случилась съ ними бѣда, хотя бы они были подъ рукою у васъ, согласитесь, пока вы не станете жалѣть ихъ, вы палецъ о палецъ не ударите для нихъ. Не правда-ли?

Уваженіе для людей тѣмъ хорошо, что не обязываетъ васъ что-нибудь дѣлать; оно только сдерживаетъ васъ отъ непріятныхъ для уважаемыхъ лицъ дѣйствій.

Если бы вы ограничились уваженіемъ голодающихъ, вамъ не пришлось бы посылать имъ денегъ, вы лучше спали бы, больше веселились, а пылкая молодежь, если бы не имѣла жалости къ нимъ, сидѣла бы дома и не ѣхала бы на мѣста голода.

Если бы вамъ очень ужъ хотѣлось что-нибудь дѣлать для голодающихъ изъ уваженія, то лучше всего было бы, сидя у себя въ кабинетѣ, разсылать имъ письма, въ которыхъ убѣждать ихъ, что человѣкъ „*выше сѣтости*“, что самое слово „человѣкъ“—звучитъ гордо, а потому стонать отъ голода и боли не достойно людей, которые свободны во всемъ и, слѣдовательно, сами виноваты въ своей бѣдѣ. Вы поддержали бы въ нихъ гордость, сознаніе своей силы, а это-то вѣдь и главное. Уваженіе—чувство совершенно пассивное, которое ни на что васъ непосредственно не двигаетъ, а представляетъ лишь нѣкоторую задержку для проявленія дурныхъ свойствъ одного человѣка въ отношеніи къ другому. Оно охраняетъ права, но не налагаетъ обязанностей, или налагаетъ „свѣтскія“, условныя обязанности, отъ исполненія которыхъ уважаемымъ, большею частію, „ни тепло, ни холодно“. Напротивъ, христіанская мораль, которою мы доселѣ жили, исходя изъ идеи одинаковости душъ людей, проповѣдуетъ, что человѣкъ всегда долженъ ставить себя на мѣсто другого, прежде чѣмъ рѣшить, какъ поступить съ нимъ (не дѣлай другому того, чего не хочешь себѣ; дѣлай другому то, чего себѣ желаешь), и кладетъ въ основаніе жалость или состраданія. Все, что мы называемъ любовью (къ ближнему), доброю, мягкосердечіемъ, отсутствіе чего считаемъ холодностію, — все это ничто иное, какъ развитіе того же элементарнаго чувства жалости. Упраздните ее—и отъ всѣхъ этихъ чувствъ почти ничего не останется. Въ самомъ дѣлѣ, отнимите отъ любви къ ближнему чувство состраданія, перестаньте „жалѣть“ того, кого вы любите—и любовь станетъ пустымъ звукомъ. Вотъ почему у простого народа обыкновенно вмѣсто „люблю“ говорятъ—„жалѣю“.

И сама справедливость основана на жалости. Вотъ ужъ можно сказать правду, что „тутъ всѣ начала и концы“, и

надо имѣть страстное желаніе стать вторымъ Геростратомъ, чтобы такъ облеветать благороднѣйшее движеніе человѣческаго сердца, на которомъ зиждется все, „чѣмъ люди живы“.

Кто не способенъ къ жалости, тотъ, значить, не въ состояніи живо вообразить себя на мѣстѣ другого, пережить его страданія, почувствовать родство съ нимъ—тотъ всегда останется холоднымъ резонеромъ. Всѣ увѣренія его въ уваженіи, если дѣло идетъ о слабыхъ, обиженныхъ судьбою, почти всегда—такое же лживое фразерство, какъ „уваженіе“ у Сатина.

Не желаю вамъ въ тяжелыя минуты одинокой старости, болѣзни, большого горя очутиться въ обществѣ такихъ людей. Въ глубинѣ души вы проклянете ихъ наполовину дѣланное, чисто внѣшнее уваженіе и будете рады одному ласковому слову человѣка, который васъ „пожалѣетъ“.

Сатинъ спрашивалъ Настю: „какая тебѣ польза, если я тебя пожалѣю“? Надо удивляться, что никто изъ ночлежниковъ, которымъ онъ проповѣдывалъ „уваженіе безъ жалостей“, не догадывая его спросить: „Какая намъ польза, если ты насъ уважать будешь?“.

Но „жалость“, говоритъ Сатинъ—Горькій, „унижаетъ; она несомнѣстима съ уваженіемъ“. Чистѣйшая ложь! Искреннее чувство жалости, къ которому не примѣшивается другихъ чувствъ (напр. презрѣніе), ни для кого, кто умѣетъ разсуждать, не можетъ быть унижительно. Спросите объ этомъ у голодныхъ, больныхъ, старыхъ, безсильныхъ—унижительно-ли для нихъ, если ихъ отъ души (а не на показъ) жалѣютъ во имя того, что они—подобные же намъ люди.

Не думаю, чтобы Горькій былъ того мнѣнія, что и дѣтей унижаетъ жалость. А, вѣдь, многіе люди по беззащитности и безсилію—тѣ же дѣти.

Искренняя жалость можетъ казаться оскорбительною только тому, кто зараженъ маніей величія и гордости, кого самообожаніе заставляетъ презирать всѣхъ остальныхъ, или когда жалѣютъ человѣка, добровольно избравшаго себѣ по своему вкусу тотъ или другой жребій, т. е. тогда, когда, въ сущности, жалѣтъ нѣтъ основаній.

Что жалость вполне совмѣстима съ уваженіемъ и даже почти всегда его предполагаетъ, этому лучшее доказательство то, что до сей поры никто изъ насъ не стѣснялся жалѣть крупныхъ, талантливыхъ и даже великихъ людей.

Всѣ мы жалѣемъ о преждевременной кончинѣ Пушкина, Лермонтова; всѣ мы жалѣемъ Надсона, Успенскаго и многихъ другихъ. Неужели же этимъ мы ихъ унижаемъ? Если бы съ самимъ Горькимъ случилось какое-нибудь несчастье,—ну, напр., напали бы на него громилы и избили до полусмерти—неужели жалѣть его тогда—значило унижать?

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! жалѣють уважаемыхъ и сильныхъ людей въ несчастіи гораздо больше, чѣмъ, не жалѣя, уважають слабыхъ. Послѣднихъ, какъ уже говорилось, уважають почти всегда лишь на словахъ. Это и понятно. По этимологическому составу своему слово „уваженіе“ предполагаетъ признаніе „важности“, слѣдовательно, силы. Безсиліе, пришибленность питаются жалостью и добротою. Безчеловѣчно было бы лишать ихъ такой поддержки. Жалость для нихъ во много разъ дороже уваженія. . . .

Напротивъ, по Горькому: „гордости, гордости побольше! Вѣдь вы—человѣкъ! Все въ человѣкѣ, все для человѣка и существуетъ только онъ!

Человѣкъ всегда обязанъ быть свободнымъ.

Всякій живетъ, какъ хочетъ. Все—дѣло его руль. Если чего захочетъ, то непременно и сдѣлаетъ. . .

Кто же смѣетъ жалѣть такихъ свободныхъ и могущественныхъ людей? Это значитъ—сомнѣваться въ ихъ свободѣ и могуществѣ, оскорблять ихъ гордость. Человѣкъ всегда и вездѣ долженъ быть гордъ и самъ стоять за себя. Если кто не можетъ этого дѣлать, пусть уходитъ съ жизненнаго пира, не мѣшаетъ сильнымъ. Слабымъ и смиреннымъ не мѣсто среди сильныхъ и гордыхъ“!

Священникъ *Павелъ Рубинскій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Учрежденіе стипендій въ женскихъ второклассныхъ школахъ для дѣтей духовенства.

Изъ года въ годъ повторяется все одна и та же картина: въ епархіальное и окружное училище сдають экзамень 100, 120, 130 дѣвочекъ, а принимаютъ въ то и другое не болѣе 80. Десятки дѣвочекъ вынуждаются возвращаться обратно, домой. Для нихъ двери храма науки затворяются или до слѣдующаго года, или навсегда.

Родители принятыхъ дѣвочекъ, какъ и сами принятыя ученицы, благословляютъ свою судьбу и молитвенно вздыхаютъ: „слава Богу! Кой какъ втерлись“. А непринятые, вмѣстѣ съ своими родичами, съ завистью смотрятъ на первыхъ и сбѣгаютъ на свою горемычную долю. И какихъ, какихъ только слуховъ не распространяется въ это время про администрацію училищную! Родители, обиженные тѣмъ, что дѣти ихъ не приняты, съ спокойной совѣстью утверждаютъ разныя небылицы: что экзамены въ училищѣ нарочно производятъ строгіе, чтобы нарвать экзаменующихся; что принимаютъ въ училище по особому знакомству, по рекомендаціи, по протекціи; что принимаютъ дочерей все больше священническихъ, а діаконскихъ и псаломщическихъ проваливаютъ, въ томъ, якобы, предположеніи, что батюшки будутъ громко протестовать, а меньшая братія промолчать.

И многое, многое говорится тутъ по адресу училища, которое не можетъ вмѣстить подъ своимъ кровомъ всѣхъ желающихъ обучаться. Подчасъ въ этихъ говорахъ слышится такъ много обиднаго, оскорбительнаго для администраціи училищной, что приходится искренно удивляться какъ безцеремонности обвинителей, такъ и долготерпѣнію обвиняемыхъ. Первые никакъ не хотятъ понять того положенія: въ какомъ вынужденно находятся послѣдніе; вѣдь эти послѣдніе потому и устраиваютъ строгій конкурсъ для экзаменующихся, что имъ нѣтъ иного выхода изъ созданнаго положенія: сдаютъ экзаменъ 100, 120 дѣвочекъ, а нужно принять 45. Ну, вотъ, и нужно непременно нарвать десятки ученицъ, чтобы прорѣдить жаждущихъ знанія, отобрать чистую пшеницу. И нарываютъ, для чего спрашиваютъ строго, даже сверхъ программы. А при такомъ спрашиванія сверхъ программы весьма понятно и то явленіе, что дѣти батюшекъ, которыхъ готовятъ къ экзаменамъ репетиторы или репетиторши, сдаютъ эти экзамены удачнѣе, чѣмъ дѣти діаконствъ или псаломщиковъ. Послѣднія, по матеріальной скудости своихъ родителей, не могущихъ нанять особаго репетитора, силою обстоятельствъ вынуждены бываютъ уступать свое мѣсто на конкурсѣ первымъ. Батюшкины дочери проникаютъ, такимъ образомъ, въ училище, а дочери діаконствъ и псаломщиковъ оказываются внѣ его, такъ какъ онѣ не выдерживаютъ строгаго конкурса. А если иной изъ послѣднихъ и удается иногда забить на конкурсѣ какую либо

дочь священника, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ того, чтобы она непременно попала въ число ученицъ; казенныхъ вакансій для нея не оказывается, а родитель ея не въ состояніи платить 100 руб. Экзаменъ такая ученица сдала, и сдала хорошо, но въ училище все же не попала; ея мѣсто занимаетъ та, которая сдала похуже, но у родителей которой есть свободныя средства.

Такова практика, выработавшаяся цѣлыми годами. Результаты ея на лицо: каждый можетъ видѣть ихъ въ училищномъ отчетѣ, гдѣ точно учитывается процентъ дочерей священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ. И винить за эту практику приходится не училищную администрацію, которая тутъ не при чемъ, а самихъ родителей, пользующихся преимуществами своего матеріальнаго обезпеченія.

Строгой конкурсъ, установившійся не по винѣ училищной администраціи, привелъ и еще къ одному нежелательному результату, стоющему очень и очень дорого. Дѣло въ томъ, что каждый родитель, желающій опредѣлить свою дочь въ училище, считаетъ своей священной обязанностію привезти ея на конкурсъ въ первый же годъ ея „совершеннолѣтія для конкурса“, т. е. по истеченіи десяти лѣтъ отъ рожденія. Родитель руководится тутъ принципомъ такимъ: „авось сдастъ и въ этотъ годъ; а если не сдастъ, то привезу на слѣдующій...“ И возятъ такъ годъ, два, три, дожидаясь того года, когда примутъ, или совсѣмъ откажутъ.

Попробуйте теперь, посчитайте, чего стоятъ эти троекратные „привозы“, во что обойдется троекратное проживаніе въ Казани. И при томъ весьма часто безъ всякихъ результатовъ. Средства затрачены, а дочь остается все же безъ образованія. Попытка оказывается самой злой шуткой, а спросъ на образованіе настоящей бѣдой.

Такъ обстояло дѣло въ прошломъ, такъ оно обстоитъ и въ настоящемъ. Неужели такъ будетъ продолжаться и въ будущемъ?

Само собой понятно, что не было бы ничего подобнаго, если бы зданіе епархіальнаго училища расширилось, если бы въ немъ открыты были параллельные классы. Тогда конкурсъ упразднился бы самъ собой, училищная администрація не была бы такой строгой на экзаменахъ, не спрашивала бы сверхъ программы; а всѣ ученицы, сдавшія экзаменъ, были

бы принимаемы въ училище. Родители такъ не волновались бы, а дѣти ихъ столько не проливали бы слезъ.

Можетъ быть, все это и сбудется когда нибудь. Но во всякомъ случаѣ не отъ того, что духовенство будетъ негодовать на училищную администрацію, а единственно отъ того, если оно, духовенство, изыщетъ средства на расширеніе зданій епархіальнаго училища и на содержаніе параллельныхъ классовъ при немъ. Въ настоящее время содержаніе нормальныхъ классовъ епархіальнаго училища стоитъ епархіи (изъ суммъ свѣчнаго завода) около 30 тысячъ рублей; малымъ чѣмъ будетъ отличаться содержаніе параллельныхъ классовъ. Значить, въ затрачиваемымъ ежегодно 30 тысячамъ рублямъ нужно еще изыскать тысячъ 28 ежегодно. Да одновременно, на расширеніе зданій, тысячъ 150.

Кругленькія суммы. Не скоро ихъ найдешь. Проектированная мной комиссія можетъ быть и сдѣлаетъ что нибудь въ этомъ изысканіи. Но если и сдѣлаетъ, то не такъ скоро. А между тѣмъ время не ждетъ; число дѣвиць, остающихся за бортомъ, увеличивается; стоны ихъ раздаются все сильнѣе и сильнѣе. Къ тому же подрастаютъ все новыя и новыя кандидатки на училищныя вакансіи, и въ усиленномъ количествѣ, такъ какъ число приходоу въ епархіи растеть, духовенство въ силу этого множится.

Нужно же какъ нибудь удовлетворить эти насущные запросы времени.

Въ ожиданіи лучшаго будущаго, я и рѣшаюсь предложить скромное настоящее. По русской пословицѣ: „лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ“.

Почему бы, по моему мнѣнію, духовенству епархіи не учредить стипендіи для своихъ дочерей въ женскихъ второклассныхъ школахъ? Школъ этихъ въ Казанской епархіи не одна; въ случаѣ нужды въ нихъ, можно и еще ходатайствовать о переименованіи мужскихъ школъ въ женскія. Учебная программа въ нихъ не настолько низка, чтобы можно было мѣнять её на домашнее образованіе. Я знаю примѣры того, какъ ученики второклассныхъ школъ—мужскихъ—не только съ успѣхомъ могли проходить полный курсъ духовной семинаріи, но даже „перваками“ заканчивали этотъ курсъ и назначались въ духовную академію. Тѣхъ же результатовъ мы вправѣ ожидать и отъ женскихъ школъ; ученицы, кончившія въ нихъ курсъ,

выйдутъ въ жизнь если и съ не вполнѣ законченнымъ образованіемъ, то во всякомъ случаѣ съ достаточнымъ для того, чтобы конкурировать на базарѣ житейской суеты съ другими, чтобы не быть на этомъ базарѣ совершенно безпомощными. Такъ или иначе, образованіе, полученное во второклассной школѣ, будетъ все же большимъ плюсомъ въ сравненіи съ „запечнымъ“ обученіемъ. Да, наконецъ, и то нужно имѣть въ виду, что для воспитанницы, окончившей курсъ второклассной школы, ничто не мѣшаетъ сдавать экзамены и за курсъ епархіальнаго училища, еслибы она пожелала этого. Какихъ нибудь неустрашимыхъ препятствій едвали тутъ можно ожидать. Все дѣло въ энергіи, трудѣ, чего нивагъ нельзя отнять у ученицъ второклассныхъ школъ. А дипломъ епархіальнаго училища приложится самъ собой.

Скорѣе можно ожидать возраженій по затронутому вопросу совершенно съ другой стороны. И вотъ именно съ какою.

Простота, отсутствіе всякой дѣланности, жизнь по природѣ,—этотъ режимъ сельскихъ второклассныхъ школъ,—все это можетъ не понравиться какою либо чадолубивой маменькѣ, которая мечтаетъ выкроить изъ своей „крошечки“ кисейную барышню, интеллигентную бѣлоручку, тепличное растеніе, способное на то только въ жизни, чтобы умереть безъ всякой борьбы за право на эту жизнь. Вотъ подобныя то маменьки, пожалуй, и запротестуютъ противъ нашего проэкта. Будутъ оспаривать этотъ проэктъ и въ одинъ голосъ говорить: подавай намъ непременно епархіальное училище—съ уроками танцевъ, съ тепличнымъ воспитаніемъ *et tutti quanti*, а не какую то тамъ второклассную, мужицкую школу, гдѣ будетъ обучаться всякій сбродъ.

Но мы увѣрены, что подобныхъ протестантовъ наберется очень мало. Большинство духовенства теперь уже окончательно убѣдилось, что современная система воспитанія, привитая нашимъ епархіальнымъ училищамъ откуда то со стороны, нисколько не соотвѣтствуетъ той жизни, къ которой готовятся епархіалки. И это большинство охотно промѣняетъ „епархіальную“ чопорность, слащавую кисейность, „губернскій теремъ“ на какую нибудь захолустную школу, выпускающую своихъ ученицъ съ полнымъ знаніемъ окружающей ихъ жизни, съ запасомъ силъ на жизненную борьбу ради куска хлѣба. И тѣмъ съ большей охотой оно сдѣлаетъ этого мѣнка, когда увидитъ, что во вто-

рокласныхъ школахъ существуютъ епархіальныя стипендіи, которыми могутъ пользоваться всѣ, ищущія образованія.

А относительно тѣхъ дѣвочекъ, которыя при настоящихъ условіяхъ, за недостаткомъ вакансій въ епархіальномъ и окружномъ училищахъ, остаются безъ всякаго образованія, — относительно ихъ и говорить нечего. Съ какой радостію онѣ пойдутъ въ открытыя двери женскихъ второкласныхъ школъ, гдѣ имъ дадутъ и образованіе и епархіальную стипендію!

Мнѣ думается, что бѣдныя сироты, малообеспеченные члены причтовъ, будутъ-ли то псаломщики, діаконы или священники, станутъ благословлять тотъ день, когда увидятъ, что епархія призрѣла и ихъ дѣтей, доселѣ отверженныхъ, тщетно стучащихся въ двери существующихъ учебныхъ заведеній.

Мало этого. Мы рѣшаемся утѣшить этихъ отверженныхъ и слѣдующимъ, вполне осуществимымъ, предположеніемъ: ничто не мѣшаетъ епархіи, если она найдетъ нужнымъ и полезнымъ, курсъ второкласныхъ женскихъ школъ расширить; прибавить къ тремъ годамъ ученія въ нихъ еще годъ, или два. Все это возможно, при матеріальномъ содѣйствіи епархіи и при благожелательномъ отношеніи къ затронутому вопросу со стороны Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ.

Но гдѣ найти средства для предполагаемыхъ стипендій въ женскихъ второкласныхъ школахъ? Откуда ихъ взять?

Епархіальный сѣздъ можетъ быть найдетъ эти средства изъ какихъ либо другихъ источниковъ. А я же рѣшаюсь указать вотъ на какой: изъ суммъ свѣчнаго завода отпускается въ настоящее время, какъ упоминалось выше, до 30 тысячъ руб. на ежегодное содержаніе епархіальнаго училища. Тисячами этими пользуются казенныя стипендіатки училища и училищныя пансіонерки; на одну изъ первыхъ затрачивается до 160 руб. въ годъ, и на каждую изъ вторыхъ до 60 руб.

Было бы вполне справедливо всѣ казенныя стипендіи училища обратить на стипендіи второкласныхъ школъ. Изъ каждой училищной стипендіи выкроится три или двѣ школьныхъ, такъ что во второкласной школѣ будутъ обучаться три ученицы, тогда какъ въ училищѣ на эти деньги обучается только одна. При существующемъ порядкѣ одна сирота созидаетъ свое счастье на несчастіи двухъ другихъ сиротъ, а при проектируемомъ порядкѣ всѣ три сироты одинаково могутъ быть осчастливлены.

Разсчетъ, по моему мнѣнію, вѣрный. Предлагаемая игра стоитъ свѣчь.

И родители пансіонерокъ, которымъ свѣчной заводъ доплачивается за каждую ученицу по 60 руб. въ годъ, по всей справедливости должны принять 30 р. въ годъ на себя, а остальные 30 р. уступить на стипендіи во второклассныхъ школахъ. Епархіалка будетъ стоить тогда каждому родителю не 100 руб. въ годъ, какъ теперь, а 130 р. Правда, набавка эта покажется очень чувствительной для тощихъ кармановъ. Но вѣдь лицамъ съ тощими карманами ничто на мѣшаетъ не только не платить этихъ 130 р., а даже обучать на казенной стипендіи свою дочь во второклассной школѣ. Для тощихъ кармановъ эти стипендіи и откроются. А для состоятельныхъ родителей по прежнему будетъ функционировать епархіальное училище, съ той только разницей, что преимущества послѣдняго предъ второклассными школами будутъ оплачиваться самими родителями, а не ложиться тяжелымъ бременемъ на епархіальный бюджетъ.

Итакъ, при желаніи, средства для предположенныхъ стипендій могутъ быть найдены. Остается только эти стипендіи учредить. А будутъ учреждены стипендіи, тогда всѣ дѣвочки, безъ исключенія всѣ, найдутъ себѣ доступъ къ образованію.

Священникъ Порфирій Рубимскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

КОЛОКОЛО-ЛИТЕЙНЫЕ ЗАВОДЫ

Николая Васильевича Кеменова.

Въ г. Саратовѣ и г. Спасскѣ, Тамбовской губернии. Фирма существуетъ съ 1817 года.

Принимаются заказы на отливку новыхъ колоколовъ разного вѣса до 1000 пуд. и болѣе, а также и переливку старыхъ и разбитыхъ.

При заводѣ въ г. **Саратовѣ** всегда имѣются въ большомъ выборѣ готовые колокола отъ 10 фун. до 150 пуд.

Доставку во все мѣста по жел. дор. по удешевленному льготному тарифу и подъемъ на колокольномъ заводахъ принимаютъ на себя.

Разсрочка платежа.

Заводъ за отличную отдѣлку и званъ имѣть **двѣ большія серебряныя медали** за Саратовскую и Нижегородскую Всероссийскую выставки и массу благодарностей отъ Обществъ и лицъ изъ Россіи и Сибири.

Съ заказами и запросами покорнѣйше прошу обращаться въ главную контору по адресу: Саратовъ, колоколо-литейный заводъ, **Н. В. Кеменеву**; для телеграммъ: Саратовъ Кеменеву.

Торговля производится готовыми колоколами въ Нижегородской ярмаркѣ, въ колокольномъ ряду, собств. лавка.

Редакторъ священникъ **Н. Писаревъ**.

Печатать дозволяется. Казань 1 июля 1908 г.

Ректоръ Академіи, Епископъ **Алексій**.